

ЛЮДИ
НОВОГО МИРА

РАДУГА НАД ГОРАМИ МЕЧЕК

ВСЕ ГОРОДА красивы. Но красоту одного познаешь медленно, другой же сразу, с первых мгновений, берет в плен твоё сердце. Таков Печ, яркий до ослепления и вместе с тем исполненный благородства, город, вознесший свои шпили, минареты и минареты на солнечному небу. Таким он предстает взору, когда спускаешься к нему с Меческих гор. Это административный центр области Баранья на юге Венгрии, края полуразрушенных замков и полузабытых легенд, края горянков, студентов и танцоров. Две тысячи лет этому городу, который еще римляне звали прекрасным Сопиано. Он знавал времена расцвета и упадка, его грабили завоеватели и воспева. и поэты.

Вечер. Ярким светом залиты витрины магазинов, мягкий полумрак площади подтрашен неоновым рекламой и вывесок. Людской поток медленно растекается по площади, делится на ручейки, заполняя тихие и уютные

ПЕРВЫЙ печек, с которым мы хотим вас познакомить, — Лайош Хорват, председатель городского Совета. Коренастый, немного уставший человек, говорящий густым баритоном. Хорват — коренной печек, или, как здесь говорят, «отросток печской лозы». Сын рабочего кожевенного завода, сам рабочий того же завода. Народная власть выдвигает его в экономисты, затем — важный пост в плановом отделе исполкома городского Совета. А в 1966 году Лайоша избирают мэром города.

По ходу дела, уже теряя волосы, окончили экономический институт, — улыбается он. — Вот и вся биография.

Рабочий день этого человека до отказа заполнен крупными, мелкими и мельчайшими заботами, ни одну из которых нельзя отложить или забыть. Каким образом создать условия для занятости женщин в городе, главные промышленные предприятия которого — угольные шахты и урановые рудники — почти не могут использовать женский труд? Как, наконец, добиться правильной пропорции между жилищным строительством и строительством гостиниц, домов культуры, спортивных сооружений? Как увеличить количество мест в детских садах и яслях? Есть и более важные проблемы.

ЦК ВСРП предложил развивать в стране промышленные центры, которые оттягивали бы приток рабочей силы от слишком разросшегося Будапешта. Печ — один из таких центров. К 1985 году наше население перенесет на 175 тысяч. Вырастет несколько районов, таких, как Уранварош. Стремимся расширить жилищный фонд с таким расчетом, чтобы на каждые сто квартир приходилось не более 107 семей. Ну и, конечно, хотим построить несколько предприятий легкой промышленности, чтобы и женщины обеспечили работой.

ЛЕПНОЙ фасад Печского театра, старинные гербы, ярусы и ложи. Он выстроен в 1893 году. Десять лет назад талантливый режиссер Имре Экк возглавил здесь совсем юный балетный коллектив, получивший впоследствии столь широкую известность в Венгрии и за рубежом. Мы сидим в уютном старинном зале. Поднят занавес. Девушки в плащах выпархивают на сцену. Тихомер Вуйичич. «Вариации на одну встречу». Эдит Хандель, тонкая, словно светящаяся изнутри, в главной роли. Вот она с первым партнером, надменная и скованная. Вот со вторым, как будто заинтересовавшаяся, восторженная,

улицы. Кто этот пожилой худощавый человек в темном костюме с красным галстуком? Ученый, строитель, шахтер? А эта стройная девушка с мальчишеской прической и огромными глазами? Балерина? Студентка? Возможно, и то и другое. Чем-то неуловимым все они похожи друг на друга. Наверное, тем, что они все — печцы. Тем, что именно в их городе был открыт в 1367 году первый в Венгрии университет, что именно здесь раньше, чем в других венгерских городах, стала развиваться промышленность и началось рабочее движение. Или тем, что здесь живут и работают сотни ученых, а рядом с древней готикой вырос светлый современный городок Уранварош, ставший одним из районов Печа. Есть во всем этом сплаве эпох, судеб, стремлений какое-то волшебство. Оно, наверное, в удивительном слиянии прошлого с настоящим и будущим, в новом ритме древнего города.

но тут же распознавшая обман. Только третий юноша — тот, кого звали сердце. И музыка, и танец торжествуют. Эдит — само воплощение пластики и нежности. Чувство и его воплощение в танце — вот что интересует хореографа и актеров.

Эдит Хандель — дочь слесаря. Этот факт сам по себе перестал быть примечательным в сегодняшней Венгрии, и мы приводим его просто как биографическую справку. Здесь, за кулисами, Эдит кажется еще более тонкой и хрупкой, чем на сцене. Она говорит быстро-быстро. Временами замолкает, ломает пальцы, подыскивая нужные слова. Родилась в Будапеште, кончила там балетную школу, потом выступала в Сегеде. Сейчас — в Пече. Что ж, для двадцати пяти лет не так уж мало.

В танце мне хочется выразить чувства современной девушки. Именно современной. Чувства моей сверстницы. Собственно говоря, это и есть мои собственные чувства. Хотя сделать это не всегда удается. Бросишь мяч в зал, тебе его оттуда посылают обратно. Но иногда мяч не возвращается. В таких случаях бывает до слез обидно.

Шандор Тот, партнер Эдит во многих спектаклях, замечает:

— Это значит, что в таких случаях ты сама недостаточно овладела главным.

Пожалуй, так оно и есть. Когда понимание роли приходит слишком быстро — это неглубокое понимание. Одним словом, для меня искусство — это постоянная внутренняя борьба. И тесная связь со зрителем. Наш зритель — это большей частью студенческая и горничная молодежь. Она не терпит фальши, и это ко многому обязывает.

— А как принимают вас за пределами Печа?

— Очень тепло, и в Будапеште, и в других европейских столицах. Особенно хорошо выступать в Москве и Ленинграде. Девочкой я часто слышала и читала, что советский зритель — изыскательный и благодарный. Теперь убедилась в этом сама.

Третьего жителя Печа мы представим вам на фарфоровой фабрике Жолнаи. Но сначала несколько слов о ней самой. В конце прошлого века предприимчивый торговец Жолнаи купил здесь небольшую гончарную мастерскую, думая занять делом своих обитусов-сыновей. Но делом занялись не сыновья, а внуки и правнуки торговца. Оно неожиданно дало большой коммерческий эффект. И когда предприятие было национализировано, а последний Жолнаи сбежал за границу, народная власть приспособила производство к нуждам развивающейся экономики Венгрии. Излишек говорит, что выпуск продукции после освобождения страны резко увеличился, повысилось качество, расширился ассортимент.

Только здесь выпускают так называемый фарфоровый фалнс, тонкий и благородный, только здесь обжигают фигуры, покрытые эозиновой глазурью (от греческого слова эос, что означает зарю).

Эозин — изумрудно-зеленый, красный, желтый с прожилками. Красная ваза притягивает взгляд глубиной цвета, будто сделана из какого-то неземного, космического минерала. Этим производством руководит Иштван Ковач, начальник цеха росписи, один из творцов эозина.

— Мне пятьдесят шесть лет, — говорит он, — сорок два из них я работаю на фабрике. Отец здесь же работал — на обжиге, у печей. Я тоже с обжиги начинал. И дочку мою Еву мы учили здесь же, на росписи. Два внука малы еще, но тоже, наверное, придут сюда. Династия. Ну, а мне до пенсии всего четыре года осталось. Как было раньше, при старом хозяйстве? Как всюду. До седьмого пота за гроши. А сейчас — вы видите сами.

В просторном светлом помещении группа художников делала эскизы изделий. Здесь же на специальных стендах — пробные изделия.

— Пытаемся создать новый вид вазины с так называемой паутинной поверхностью, — объясняет Ковач, беря со стенда оранжерейного оленя. — Но это еще не то, чего мы хотим. На бумаге это пока эффективнее.

Лицо у Ковача простое и доброе, в морщинах. В нем отражается удовлетворение, которое приносит человеку работа.

— Да, я привык к Печу и фабрике. Я ведь отсюда, от печской лозы.

Старый мастер провожает нас. Мы идем мимо огромных, пышущих жаром печей, мимо фарфоровых статуй, мимов бывшего дома Жолнаи, облицованного разноцветной керамикой, мимо всего, что создавалось его, Ковача, руками. Его и его товарищей. Нас ждут на шахте «Сабольч».

ТОГДА профессия не выбирали. Отец был шахтером, сын должен стать шахтером. Все ясно и просто. В лучшем случае тебя из откатчиков вагонов переводят на самую высокую рабочую должность — дадут обушок и поставят один на один с мерцающим пластом угля. Чтобы ты ударял острием своего нехитрого инструмента до самой старости, чтобы твои омертвевшие мышцы навсегда отвыкли реагировать на усталость.

Йожеф должен был стать вместе с тремя своими братьями шахтером пятого поколения в семье Рес. И он им стал в мальчишеские годы, когда пальцы рук еще не обхватывали полностью черенка лопаты. Были, правда, у Йожефа свои мечты, только куда с ними сунуться, если в школе шахтерского поселка детей держали только до шестого класса.

Все было запрограммировано до конца жизни, если бы окружающий Йожефа мир не слетел, как вагонетка, с рельсов и не застучал бы колесами по шпалам.

— Хотите, покажу, как это было, — говорит Йожеф Рес и подходит к стене, на которой укреплены две гранулы. Ресал их по линолеуму шахтерский умелец Иштван Вертике. На одном листе — расстрел солдатами демонстрации горняков из поселка Визшан. Это был 1937 год, когда Йожеф пришел на шахту. На второй гранулы изображен сырой темный лабой и люди, рассматривающие при тусклом свете лампы портрет Ленина.

— Вот тогда я встретился с коммунистами, — рассказывает Йожеф, — узнал их программу и сразу же после освобождения Венгрии вступил в партию.

Как живут сейчас горняки города Печ? Йожеф изменил традициям семьи Рес и стал мастером лавы, заслуженным, а потом выдающимся шахтером (есть в Венгрии такие высокие звания для горняков), удостоен золотой медали Труда.

Йожеф Рес — спокойный и мудрый собеседник. От него многое можно узнать о горняцком житье-бытье. На шахте «Сабольч» сейчас занято 2.100 горняков. После хозяйственной реформы повысилась эффективность капиталовложений, на предприятии 52 бригады социалистического труда и каждый пятый горняк — коммунист.

Интересы Йожефа самые разнообразные: любит книги, посещает спектакли местного балета, увлекается легкой атлетикой (это в 50 лет!), пятнишу он специально отводит для лекций в горняцком клубе бригад социалистического труда.

Были ли намерения у Йожефа Реса покинуть Печ?

— Ну что вы, — улыбается горняк, — не такой мы народ — печцы...

И снова мы вспомнили об отростке печской виноградной лозы, как обычно здесь называют людей, бесконечно влюбленных в свой город.

Ю. ПОНОМАРЕНКО,
А. ТЕР-ГРИГОРЯН,
спец. корр. «Известий».
БУДАПЕШТ — ПЕЧ.